

УДК 94(47):930.1

«ВАГОН В ГАЛСТУКЕ» ИЛИ «ВЕЛИКИЙ ГОСУДАРСТВЕННИК»: РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

О. Ч. Реут¹, Т. П. Тетеревлева²

¹Петрозаводский государственный университет

²Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова

Изучение конструирования, трансляции, оценки, трансформации образов исторических деятелей находится в фокусе современных историографических исследований, при этом в поле зрения исследователей попадают не только научный, но и другие дискурсы, и прежде всего политический. В статье на основе материалов, отражающих многообразие жанрового пространства российского политического дискурса (при опоре на прецедентные тексты), характеризуется специфика репрезентации и интерпретации образа П. А. Столыпина в официальном дискурсе, а также в дискурсах «системной», «несистемной» и «новой» оппозиции. Основное внимание сосредоточено на способах формирования и соотношении отдельных структурных элементов образа Столыпина, при этом в качестве ключевого выделен вопрос о том, каким образом в современном политическом дискурсе преломляется научный историко-биографический нарратив.

К л ю ч е в ы е с л о в а : репрезентация, историография, П. А. Столыпин, политический дискурс.

O. Ch. Reut, T. P. Teterevleva. THE “RAILCAR IN A NECKTIE” OR A “GREAT STATESMAN”: REPRESENTATIONS OF THE HISTORICAL FIGURE IN MODERN RUSSIAN POLITICAL DISCOURSE

The processes of construction, representation and transformation of images of historical figures are in the focus of the contemporary historiographical research. The field of study includes not just academic, but other discourses as well, and, above all, the political one. The paper provides an outline of the ways of representation and interpretation of P.A. Stolypin's image in the official discourse, as well as in the discourse of the “system”, “non-system” and “new” opposition, based on the analysis of texts reflecting the genre diversity of the Russian political discourse (especially “precedent” texts). By defining the main structural elements of the image of P.A. Stolypin, the authors examine how the academic historical-biographical narrative is currently refracted in the national political discourse.

Key words: representation, historiography, P. A. Stolypin, political discourse.

Изучение восприятия и репрезентации человека в истории является одним из наиболее актуальных направлений современной гуманитар-

истики. В данном контексте востребованным предметом комплексного исследования становится категория «образ исторического деятеля».

ля», оказавшаяся на пересечении важнейших тенденций развития социально-гуманитарного знания, которые сформировались под воздействием «поворотов» и интеллектуальных вызовов последних десятилетий, в частности, антропологизации социальных наук и движения к кросс- и постдисциплинарности. Изучение конструирования, трансляции, оценки, трансформации образов исторических деятелей оказывается в фокусе историографических исследований, проблематика которых отнюдь не сводится к изучению различных трактовок персоналий сугубо академической историографией. В поле зрения исследователей исторического знания попадают не только научный, но и другие курсы, и прежде всего политический.

Это новое измерение «историографии биографий» обретает особую актуальность в современной ситуации активного обращения участников российского общественно-политического процесса к ключевым событиям и знаковым фигурам отечественной истории, что обусловлено, с одной стороны, превращением исторического знания в важнейший символический капитал социума, находящегося в интенсивном поиске новой коллективной идентичности, а с другой стороны, наблюдаемым смещением политической жизни в символическое пространство – в поле «политики памяти».

Что касается предмета исследования, то «прочтение» совокупности репрезентаций исторической личности, по существу, синтезирует ситуационно взаимосвязанные позиции, присутствующие политическому, академическому и медийному комплексам в современной России. В этом смысле целесообразно говорить о различающихся между собой политическом, академическом (научно-академическом) и медийном дискурсах. В классификационном плане можно выделить еще художественный дискурс, но в данной статье он не рассматривается.

Под дискурсом здесь понимается такой способ интерпретирования окружающей действительности, в результате которого не только специфическим образом отражается окружающий мир, но и конструируется особая реальность, создается свой способ видения мира, способ упорядочения действительности [Михалева, 2002], в данном случае – действительности исторической. В контексте данного исследования стоит обратить особое внимание на соотношение политического и научно-го/академического дискурсов.

Критериями разграничения дискурсов выступают цели и стратегии обращения к прошлому, способы формулирования дискутируемых вопросов, отбор задействованных понятий

и категорий. Среди существенных признаков политического дискурса, в отличие от научно-го/академического, можно упомянуть: «примат ценностей над фактами, преобладание воздействия и оценки над информированием», тенденция к смысловой неопределенности, наличие «самореферентных» знаков, апелляция к иррациональному [Шейгал, 2004].

Вместе с тем принципиально важным является взаимодействие дискурсов. В современном обществе все акторы политического пространства вынуждены проводить символическую политику, в том числе производить и транслировать определенные (в высокой степени персонифицированные) модели исторического прошлого страны. В этой ситуации образ исторического деятеля «превращается в некий артефакт и обретается в виртуальной реальности» [Шестопал, 2000. С. 219] и воспринимается прежде всего как продукт современной эпохи. Наиболее востребованы при этом оказываются образы государственных, общественных и политических деятелей переломных эпох, кардинально изменивших (либо пытавшихся изменить) ход отечественной истории. К числу таких деятелей, безусловно, следует отнести П. А. Столыпина, 150-летний юбилей которого был заявлен как один из весомых аргументов для объявления 2012 года Годом российской истории. Следует отметить, что официальное объявление Года истории привело, во-первых, к неизбежному перемещению в политическую сферу целого ряда сюжетов и персонажей отечественной истории и, во-вторых, еще раз со всей отчетливостью выявило тот факт, что именно политический, а не научный дискурс оказывает определяющее влияние на формирование характера этих сюжетов и образа персонажей в общественном сознании.

С другой стороны, в научной среде не являются редкостью утверждения такого рода: «политические оценки от имени историков – не превышение полномочий историка, а моральный долг» – отражающие то, что французский исследователь А. Блюм назвал «российским парадоксом»: «Российские историки очень хотят участвовать в конструировании национальной идентичности. Но, вообще-то, это не работа историков, это политика» [Материалы..., 2010].

Кроме того, в современной ситуации взаимодействия и последовательного усложнения дискурсивных практик важнейшим нивелирующим средством выступает Интернет, размывающий прежние институциональные границы между специальным и «профанным» историческим знанием [Ермаченко, 2004]. Переход к «Исто-

рии 2.0» породил целый ряд проблем, связанных с превращением исторического знания в один из элементов новой, дигитально организованной медийной культуры [Тетеревлева, Реут, 2011]. Медиатизация обусловила серьезные качественные изменения, прежде всего, в способах репрезентации научного исторического знания, а также в подходах и принципах определения его достоверности. Во многом это связано с нарушенной иерархизацией текстов, при которой серьезные научные работы размещаются «на равных» с явно маргинальными, а зачастую и псевдонаучными текстами, что создает характерную для ситуации медиатизации иллюзию «равенства мнений» академических историков и непрофессионалов [Teterevleva, Reut, 2012].

Каким же образом в современном политическом дискурсе преломляется научный историко-биографический нарратив? В чем состоит и какими факторами определяется специфика трансформации исторических образов в дискурсивных практиках, испытывающих воздействие различных акторов российского политического поля? Для решения данной проблемы перспективным выглядит анализ т. н. «прецедентных текстов» как своего рода «коммуникативных событий», обладающих высокой значимостью для конкретного сообщества и непосредственно задающих направление процессам конструирования и репрезентации образа исторического деятеля. Это даст возможность выявить способы формирования его отдельных структурных компонентов (как описательных, так и оценочных), степень и характер привлечения научно-исторического знания, а также проследить взаимосвязь между характером репрезентации образа и социально-политическими процессами, т. е. выявить их воздействие на выдвигание на первый план одних компонентов образа исторического деятеля и уход на периферию других [Шестопап, 2002. С. 29].

Как отмечалось выше, П. А. Столыпин стал одной из центральных фигур объявленного в 2012 г. Года российской истории, что активизировало включение сюжетов, связанных с его жизнью и деятельностью, в арсенал общественно-политической полемики. В официальном дискурсе (в том числе и «партии власти»), дискурсах «системной» и «несистемной» оппозиции оценки П. А. Столыпина и, более широко, интерпретация его образа стали инструментом для выражения политической идентичности через противопоставление по-разному определяемых «мы» и «другие».

Специфика репрезентации образа П. А. Столыпина в официальных правилах высказывания связана с попытками государственного конст-

руирования желаемого – унифицированного и консолидирующего – образа исторического прошлого страны в целом. Она определяется, с одной стороны, активизацией механизмов ретроспективной легитимации существующего политического режима через поиск истоков и исторических основ нынешней государственности, который ведется, в первую очередь, в направлении синтеза советских и имперских институтов. С другой стороны, важную роль играет тезис о превращении историко-культурного наследия в поле внешнеполитического противостояния: «Как показывает в том числе и наш собственный исторический опыт, культурное самосознание, духовные, нравственные ценности, ценностные коды – это сфера жесткой конкуренции, порой объект открытого информационного противоборства, не хочется говорить агрессии, но противоборства – это точно, и уж точно хорошо срежиссированной пропагандистской атаки. И это никакие не фобии» [Стенографический отчет, 2012].

В данном контексте пристальное внимание к истории и ее интерпретациям становится не только существенной составляющей российского политического поля, но и неотъемлемой частью той символической политики государства, что и представляет собой «работу по производству и внушению смыслов» [Бурдые, 1993. С. 66]. Важнейшими коммуникативными событиями в этом плане стали конференции, организованные при участии или поддержке представителей государственной власти (в частности, серия «Столыпинских чтений», конференция «Столыпин и современная Россия»), а также открытие памятника Столыпину у Дома правительства в Москве. В числе решающих аргументов для их организации выступала заявленная необходимость восстановления исторической памяти о «незаслуженно забытом» государственном деятеле и придание нового стимула изучению его политико-государственного наследия. Вместе с тем важнейшей характеристикой обращений к образу П. А. Столыпина в официальном дискурсе стало проведение прямых параллелей между его политическим курсом и деятельностью нынешних первых лиц государства.

Следует отметить, что одно из первых сравнений В. В. Путина и П. А. Столыпина прозвучало еще в 2001 г. Однако тогда контекст сопоставления был другим, и выводы из него делались иные. Ключевыми характеристиками репрезентации Столыпина в период 2000–2004 гг. были акцент на его стремлении отказаться от геополитических притязаний, от активного вмешательства в мировую политику (апелляция к действиям Столыпина во время

Боснийского кризиса 1909 г., «когда он был категорически против втягивания страны в войну на Балканах»), близость «к спецслужбам», равноудаленность от правых и левых, «консервативный либерализм» и патриотизм, но главное – его политическое одиночество, непонятость как реформатора.

Анализ современных интерпретаций деятельности П. А. Столыпина показывает, что структура его образа в официальном дискурсе существенно поменялась. На первый план вышли такие характеристики, как «великий государственный», «жесткий премьер, которого побаивался сам император», «выдающийся государственный деятель», «реформатор, на десятилетие остановивший революцию». Главными чертами Столыпина стали «политическая воля» и «стремление к стабильности», обеспечившие экономический рост страны; в ядро образа постепенно входит ранее не фигурировавшая (или находившаяся на периферии) характеристика «глубоко верующий человек», патриотизм приобретает более выраженную антизападническую направленность («Он говорил, что наш орел – двуглавый, ...что нельзя использовать чужие кальки»), подчеркивается наличие внутренних помех и раздражение «геополитических конкурентов» [Мединский, 2012]. Показательны в этом плане перипетии знаменитого высказывания П. А. Столыпина из «Речи об устройстве быта крестьян и о праве собственности», бытующего в политическом дискурсе (не слишком озабоченном, в отличие от научного, точностью цитирования) в двух последовательно сменяющих друг друга вариантах: «Вам, господа, нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия» и «*Им* нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия».

В целом избранная при представлении образа Столыпина стратегия «игры на повышение» при акцентировании скорее стабилизирующего характера его государственной деятельности, нежели ее положительных итогов, привела к утверждению позитивной (и даже апологетической) репрезентации этого исторического деятеля в пространстве публичных властно-общественных взаимодействий. Следует отметить, что существенную роль в складывании подобной репрезентации сыграли и контекстуальные факторы, в частности, апелляция к стереотипам массового сознания, к представлениям о смысле и назначении «публичной истории»: «Вы наивно считаете, что факты в истории – главное. Откройте глаза: на них уже давно никто не обращает внимания! Главное – их трактовка, угол зрения и массовая пропаганда» [Живой Журнал awas 1952, 2011]; «Мы видим, что сама личность П. А. Столыпина волнует общество в гораздо

меньшей степени, чем политический миф о Столыпине. Положительный миф о Столыпине сегодня крайне необходим нашему обществу, которое насквозь поражено метастазами большевизма или новообразованиями неолиберализма» [Мультиатули, 2011].

Говоря о репрезентации П. А. Столыпина в структуре высказываний «системной оппозиции», в качестве исходного коммуникативного события можно отметить дискуссии в рамках проекта «Имя России» [Имя России, 2008]. В первую очередь следует указать на внешне противоречивое отношение к образу Столыпина, которое обусловлено, с одной стороны, привлекательностью (в том числе и в плане неявной самопрезентации) связываемых с ним идей сильного государства и антилиберализма, с другой стороны – тем, что этот образ в настоящее время все более активно используется действующей властью.

В связи с этим важной отправной точкой в интерпретациях становится тезис о том, что образ Столыпина был «приватизирован», с одной стороны, «либеральными интеллигентами», с другой – политиками, которым нужно «оправдать сотворенное в 1990-х годах». При этом репрезентация «подлинного Столыпина» остается безусловно позитивной: «храбрый, мужественный человек», «сильная личность», «великолепный премьер-министр» (показательно, что ЛДПР предлагала еще 2011 г. объявить годом Столыпина), притом что проводившаяся им земельная реформа получает максимально уклончивые оценки. Сущностными для интерпретации деятельности Столыпина становятся, прежде всего, ассоциируемые с его именем проекты неосуществленных реформ («попытался наложить руку на банковскую систему» [Зюганов, 2008]). Однако ключевой характеристикой именно этого «условия употребления» становится акцент на противостоянии премьер-министра и полицейско-бюрократического аппарата государства. Центральным эпизодом, к которому обращаются носители данного дискурса, становится гибель Столыпина, в качестве причины которой прямо указывается неприязнь со стороны «придворной камарильи» при обязательной ссылке на то, что Столыпин был убит агентом царской охраны (и одновременно – представителем радикальной интеллигенции).

Несомненно, интерпретации «подлинного Столыпина» в рамках данного дискурса могут иметь определенные структурные различия. Употребление ценностно и идеологически значимых отсылок относительно предсказуемо сталкивается с естественными ограничениями, при которых: а) респондент (автор, читатель и

комментатор) попадает в специфичную коммуникативную ситуацию, провоцирующую его на клишированные высказывания – обычно ему предоставлены клише, между которыми он может выбирать, но не может конструировать их сам; б) словоупотребление как политическая категория фактически отрывается от описания событий при формировании дискурса. Теоретически это обосновывается тем, что медиатизированная политическая субъектность в значительной мере сплетается из сетевой коммуникации, предполагающей систему взаимных отсылок, «пульсирующих» ключевых текстов и порождаемых ими нитей взаимодействия. Медиатизация российской истории и российской политики, развитие новых медиа и связанной с ними сложно организуемой интерактивной коммуникации формирует качественно иные условия актуализации вопросов трансформации образов исторических деятелей. При этом нередко в структуре образа происходит выдвижение на первый план ранее периферийных компонентов («русскость» Столыпина, неприязнь и недоверие к нему со стороны интеллигенции, борьба с внутренними и внешними «антирусскими настроениями»), которые наделяются безусловно позитивными коннотациями.

Наибольшие трансформации образ П. А. Столыпина претерпел, пожалуй, в либеральном дискурсе. Среди российских реформаторов 1990-х годов Столыпин был одним из самых востребованных исторических персонажей. Сравнение «двух крупнейших приватизаций XX века» – столыпинской земельной реформы и постсоветских преобразований в сфере отношений собственности – проводилось не только политиками и рассматривалось в контексте движения страны не исключительно к рыночной экономике, но и к социально-политической либерализации. Еще одним основанием для уподобления двух периодов реформ в либеральном дискурсе конца XX века стала критика преобразователей и крайняя их непопулярность. В одном из интервью один из руководителей экономических реформ 1990-х А. Б. Чубайс, в частности, отметил: «Реформаторы всегда тяжело жили в этой стране» [Гентелев, 2011]. Ключевой репрезентацией Столыпина становится образ «непонятого/одинокого реформатора» (с которого, попутно напомним, начиналось «освоение» образа Столыпина и в официальном дискурсе).

Тем не менее уже в начале 2000-х гг. подобные сравнения начали вызывать сомнения и критику как у противников либеральных реформ 1990-х годов, так и – что более любопытно – у их защитников. Споры, развернувшиеся в 2005 г. вокруг опубликованного на сайте газеты «Извес-

тия» письма «Два рыцаря, разделенные веком» [Трубников, 2005], выявили первые черты трансформации образа Столыпина в либеральном дискурсе, которая в ходе дискуссий 2008, 2011 и 2012 гг. проявилась со всей определенностью и выразилась, в частности, в представлении о том, что «сравнение Столыпина с Чубайсом унижает не Столыпина, а как раз Чубайса».

По мере того как действующая власть «присваивала» Столыпина, в дискурсе либеральной оппозиции интерпретация его образа претерпевала качественные изменения, носившие большей частью реактивный характер и основанные на избрании такой стратегии репрезентации, как «игра на понижение». Ее актуализация привела к выдвижению на первый план интерпретаций характера и результатов политической деятельности Столыпина на посту министра внутренних дел и премьер-министра, среди которых преобладали негативные оценки: «неудачливый и поверхностный политик, который ничего не добился из задуманного», «несостоявшийся спаситель Великой России». Ядро образа составляют представления о бесплодности политической деятельности Столыпина и, как следствие, о неоправданности применявшихся им жестких и насильственных мер. При этом носители данного дискурса все чаще апеллируют к советской историографии (в то время как в других дискурсах активно используется риторика пореволюционного Русского Зарубежья) – от использования риторических приемов: «Столыпин был в моде у престарелых барынь, которые продавали имения и уезжали за границу, опасаясь грядущего хама. Когда барыни поразъезжались, мода на покойного Петра Аркадьевича сошла на нет. В народной памяти остались лишь столыпинский галстук (виселица по приговору военно-полевого суда) и столыпинский вагон (для перевозки заключенных)» [Драгунский, 2012] до отсылок к работам советских историков.

Определяющими чертами современного либерального дискурса выступает скептическое отношение к создаваемому властью на основе «советско-имперского синтеза» историческому нарративу (который в итоге воспринимается как симулякр, репрезентация несуществующего оригинала [Герасимов, 2010]), нередко сочетающееся, с одной стороны, с критикой ретроспективной легитимации власти как таковой, и с другой – с изменением отношения к социальным функциям исторического знания, отказом от восприятия истории как «склада поучительных примеров».

Таким образом, в российском политическом дискурсе 2000–2012 гг. сформировалось несколько различных, зачастую взаимоисключающих, интерпретаций образа П. А. Столыпина

на, формирование каждой из которых было обусловлено не столько влиянием современного академического (научно-биографического) нарратива, сколько соответствующими контекстуальными и ситуационными факторами политического, экономического и социокультурного характера. Современная репрезентация образа Столыпина основана, в первую очередь, на отождествлении его с имперской государственностью (в этом главное отличие от периода 1990-х годов, когда Столыпин олицетворял собой, прежде всего, идею реформ) и находится в тесной корреляции с восприятием современной власти.

Источники и литература

Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.

Герасимов И. Как делается другая Россия: модернизация и ее симулякры // Неприкосновенный запас. 2010. № 6 (74).

Гентелев А., 2011. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=b4HxySz9-Sw> (дата обращения: 01.02.2013).

Драгунский Д. Вагон в галстук // Новая газета. 2012. 15 апр.

Ермаченко И. О. Исторический дискурс русскоязычных интернет-форумов (на примере истории русско-японских и русско-китайских отношений) // Материалы Круглого стола «Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации», ИВИ РАН, 28 февраля 2004 г. URL: <http://igh.ru/OLD/conf/tesis2/ermachenko.html> (дата обращения: 01.02.2013).

Живой Журнал awas1952, 2011, комментарий В. Мединского // URL: <http://awas1952.livejournal.com/469702.html?thread=43291334#t43291334> (дата обращения: 01.02.2013).

Зюганов Г. А., 2008. URL: <http://www.nameofrussia.ru/video.html?id=4084> (дата обращения: 01.02.2013).

Трубников Г. Два рыцаря, разделенные веком // Известия. 2005. 28 марта. URL: <http://www.izvestia.ru/news/301024> (дата обращения: 01.02.2013).

Имя России, 2008: П. А. Столыпин // URL: <http://www.nameofrussia.ru/person.html?id=100> (дата обращения: 01.02.2013).

Материалы Круглого стола «История, историки и власть», Франко-российский центр социальных исследований, Отделение исторических и филологических наук РАН, 2 февраля 2010 г. URL: <http://www.urokiistorii.ru/current/2010/18/istoriya-istoriki-i-vlast> (дата обращения: 01.02.2013).

Мединский В. 2012. Столыпин, Путин и политическое правительство // URL: <http://www.echo.msk.ru/blog/medinski/862225-echo/> (дата обращения: 01.02.2013).

Михалева О. Л. Политический дискурс: способы реализации агональности // Построение гражданского общества: материалы междунар. гуманитарн. конгресса «Русский язык: его современное состояние и проблемы преподавания». Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2002. Ч. 3. С. 96–105.

Мультипути П., 2011. «Рад умереть за Царя...» // URL: http://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/rad_umeret_za_cara_2011-10-06.htm (дата обращения: 01.02.2013).

Стенографический отчет о встрече В. В. Путина с представителями общественности по вопросам патриотического воспитания молодежи 12 сентября 2012 г. URL: <http://news.kremlin.ru/news/16470> (дата обращения: 01.11.2012).

Тетеревлева Т. П., Реут О. Ч. История в российском сегменте Интернета: репрезентация и достоверность // Вестник Института Кеннана в России. Вып. 20: Осень 2011. С. 63–69.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 324 с.

Шестопаля Е. Б. Психологический профиль российской политики 1990-х. Теоретические и прикладные проблемы политической психологии. М.: РОССПЭН, 2000. 431 с.

Шестопаля Е. Б. Теоретико-методологические проблемы исследования образов власти // Психология восприятия власти. М.: Социально-политическая мысль, 2002. С. 14–31.

Teterevleva T., Reut O. History on the Russian Internet: Representation and Reliability // Social Sciences: A Quarterly Journal of the Russian Academy of Sciences. Vol. 43. N 2, 2012. P. 20–26.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Реут Олег Чеславович

доцент кафедры истории стран Северной Европы
Петрозаводский государственный университет
пр. Ленина, 33, Петрозаводск,
Республика Карелия, Россия, 185910
эл. почта: olegreut@psu.karelia.ru
тел.: +79052991775

Тетеревлева Татьяна Павловна

доцент кафедры отечественной истории
Институт социально-гуманитарных и политических наук
Северный (Арктический) федеральный университет
имени М. В. Ломоносова
Набережная Северной Двины, 17, Архангельск,
Россия, 163002
эл. почта: tat.tet2010@gmail.com
тел.: +79522580945

Reut, Oleg

Petrozavodsk State University
33 Lenin Avenue, 185910 Petrozavodsk, Karelia, Russia
e-mail: olegreut@psu.karelia.ru
tel.: +79052991775

Teterevleva, Tatiana

Institute of Social, Humanitarian and Political Sciences,
M. V. Lomonosov Northern (Arctic) Federal University
17 Severnaya Dvina Emb, 163002 Arkhangelsk, Russia
e-mail: tat.tet2010@gmail.com
tel.: +79522580945